

Очерк четвертый

ЧАЙ В ОБМЕН НА МЕХА: РАСЦВЕТ ТОРГОВЛИ

Если с задачей территориального размежевания Нерчинский договор справился плохо, то в одном его аспекта несомненна: соглашение 1689 года открыло возможности для двухсторонней торговли и заложило основы длительного периода обоюдовыгодного сотрудничества двух стран.

ЧАЙ

Как говорилось выше, изначально в торговых контактах с Китаем в большей степени была заинтересована Россия. В этом плане ситуация мало отличалась от отношений Китая и остальных европейских государств — не имея сухопутного выхода к границам империи, они искали торговые пути к ней по морю. При этом суть их мотивации была одинакова: желание покупать уникальные китайские товары (в частности, шелк, фарфор и чай), высоко ценившиеся среди зажиточных европейцев.

Китай же был мало заинтересован в покупке зарубежных товаров: он попросту не нуждался в них. Это, впрочем, не касалось серебра. В позднесредневековом Китае серебряные рудники уже истощились, и функционирование экономики было невозможно без постоянной подпитки за счет драгоценного металла из-за рубежа. Во времена империи Мин это в основном было мексиканское серебро, доставляемое в Китай через Тихий океан и Филиппины на испанских

галеонах. Его дефицит в середине XVII века¹, вкупе с уже упомянутыми выше стихийными бедствиями, вызванными резким похолоданием климата, стал одной из основных причин кризиса, погубившего правящую династию.

Пришедшие ей на смену маньчжуры также нуждались в серебре, но и они боялись открывать страну для свободной торговли и внешнего влияния; к тому же, завоевав Китай, они по-прежнему чувствовали себя неуверенно и тщательно просчитывали риски потери власти. Это вызвало специфический подход к внешней коммерции. Она никогда не прекращалась, но всегда была строго ограничена и контролировалась либо государством, либо специальными торговыми гильдиями, заинтересованными в максимально долгом сохранении такого положения.

В XVII–XVIII веках, при сильной власти в Китае, зарубежные торговцы были рады и этому. Торговля с Китаем приносила баснословные барыши, а китайские товары по-прежнему являлись уникальными. Прежде всего это касалось чая.

Если шелк и фарфор в Европе научились производить самостоятельно уже к XVIII веку, то чай оставался продуктом исключительным — его умели выращивать только в Китае.

Первые сведения о знакомстве москвитов с китайским чаем относятся к 1638 году, когда один из удельных монгольских правителей, алтан-хан по имени Омбо Эрдэни, выслал в качестве подарка 200 «чайных бумажек» (плиток?) ко двору царя Михаила Фёдоровича. Страдая от набегов ойратов², он был заинтересован в со-

¹ Одной из главных причин этого дефицита было значительное увеличение добычи серебра при ограниченности добычи ртути, необходимой для амальгамирования (извлечения драгоценного металла из руды). В результате цены на ртуть выросли, и испанские колонии в Америке больше не могли поставлять серебро на внешние рынки в тех же объемах, как веком ранее.

² Это уже упоминавшиеся выше джунгары, чьи активные наступательные действия являлись серьезным фактором международных отношений в Центральной Азии VII–XVIII веков. Их прямыми потомками являются нынешние калмыки.

юзе с Москвой, а потому богато одаривал русских посланников.

Сами монголы были знакомы с чаем еще со времен завоевания Китая и, как и другие степные народы, воспринимали его не столько как освежающий напиток в дополнение к трапезе, сколько как основное блюдо. Смешанный с молоком, а зачастую также с маслом и солью, такой «чай» (можно даже сказать, «чайный суп») был питательным и здорово восстанавливал силы. Кроме того, в степи было важно, чтобы чай занимал мало места, не портился во время переездов, а также долго хранился — в том числе поэтому его могли использовать как денежное средство. Для всего этого оптимально подходили плитки прессованного чая — его также называют «кирпичным» (*чжуаньча* 砖茶).

В те времена такие плитки делали чаще из зеленого, нежели черного чая. В самом Китае подобная форма обработки чайного листа не была особенно популярна, а вот на экспорт его поставляли с большим удовольствием. В XV — XVII веках торговля Китая и Монголии по принципу «чай в обмен на лошадей» находилась в расцвете. Часть этого чая из Монголии попадала и в Россию¹.

Уже ко второй половине XVII века чай получил определенное распространение среди русской знати. Фёдор Байков упоминает чай в своем отчете о посольстве в Пекин, не воспринимая его как некую диковинку. В описи товаров, привезенных из Китая дипломатом, значится 30 кг «травы чай». Известно, что в 1660-х годах как минимум трижды караван с китайскими товарами, в том числе чаем, приводил в Москву «тобольский бухарин» (сибирский татарин) Селиткул Аблин.

Со временем популярность чая только росла. Вместо плиточного чая получил распространение рассыпной,

¹ Существует также версия, что чай был известен на Руси и до монгольского дара 1638 года и появился здесь ввиду давних торговых контактов Астрахани с Персией и Индией.

который можно было плотно упаковывать в большие ящики для транспортировки. В XIX веке благодаря влиянию европейской моды произошел новый виток популярности распития чая, на этот раз именно черного, в подражание англичанам¹, тогда как среди тюркских народов империи (например татар, для которых чаепитие со сладостями является одним из центральных элементов гастрономической традиции) было принято добавлять в купажи и зеленый чай, и различные травы.

Несмотря на дороговизну, чай перестал быть достоянием элиты и был известен всем слоям населения, хотя долго еще оставался предметом престижного потребления. В своей книге «Россия в 1839 году» французский путешественник маркиз де Кюстин писал: «Русские, даже самые бедные, имеют дома чайник и медный самовар и по утрам и вечерам пьют чай в кругу семьи <...> деревенская простота жилища образует разительный контраст с изящным и тонким напитком, который в нем пьют».

Важно понимать, что весь этот чай был импортным, китайским. Организация его регулярных поставок, причем напрямую из Китая, стала возможной на рубеже XVII—XVIII веков благодаря Нерчинскому договору и существенно дополнившему его в части регулирования торговли Кяхтинскому трактату.

КЯХТА, ШАНЬСИ И «ВЕЛИКИЙ ЧАЙНЫЙ ПУТЬ»

В первые годы после заключения Нерчинского договора

¹ В Британии распространение получил именно черный чай по той причине, что, как считается, он гораздо лучше переносил длительную морскую транспортировку и меньше портился. Обычай же добавлять в чай молоко появился у англичан вследствие того, что даже черный чай зачастую имел привкус гнили, который нужно было заглушать. Так как в Россию чай в целом доставлялся быстрее и был лучшего качества, эта необходимость не была столь выражена.

торговля шла через Нерчинск и Селенгинск — опорные пункты русского присутствия в Забайкалье. Государство изначально монополизировало отправку торговых караванов в Китай¹, хотя и разрешало частным лицам, получившим специальное разрешение, включать в них свои товары. Прибыльность такой торговли была ограниченной, так что в 1714 году в царствование Петра Великого были разрешены и полностью частные караваны, ходившие до Урги (нынешний Улан-Батор, в то время часть Цинской империи).

Между тем торговля не всегда шла гладко. В 1718 году цинские власти не пропустили русский караван в пределы империи и заявили о желании переместить все торговые операции в Селенгинск. Для разрешения спора в Пекин отправилась миссия во главе со Львом Измайловым.

Это было первое русское посольство, добившееся аудиенции у китайского (справедливо назвать его и маньчжурским) императора. Для этого пришлось пойти на тактические уловки. Грамота от Петра I, переданная Измайловым, не содержала указания на титул государя, только его имя и подпись, соответственно, с точки зрения китайских вельмож, никто не покушался на статус, равновеликий статусу Сына Неба. Кроме того, Измайлов ради пользы дела сделал обряд *коутоу*, что также устроило имперскую службу протокола. Ему удалось добиться разрешения на пропуск караванов в Китай, но другие вопросы, в том числе территориальные, связанные с несовершенством Нерчинского договора и новыми земельными претензиями цинов, остались без решения.

Для их обсуждения в Китай было направлено новое посольство. Его возглавил Савва Рагузинский-Владиславич, сербский негодант на службе при российском дворе².

¹ Первый казенный караван был направлен в Пекин в 1698 году под руководством купца Спиридона Лянгусова.

² Поскольку Савва Владиславич был родом из города Рагузы в Иллирии (ныне Дубровник в Хорватии), то и прозвище получил «Рагузинский». В тексте Кяхтинского договора он именуется «граф Ильирийской».

Помимо чисто дипломатической миссии, в его задачи входило обустройство русских владений в Забайкалье с использованием новейших европейских технологий: геодезическая съемка, укрепление и, в случае необходимости, строительство новых крепостей. В октябре 1726 года Рагузинский прибыл в Пекин. К этому моменту император Канси уже умер, а сменивший его на престоле Иньчжэнь (известен по девизу правления Юнчжэн 雍正) был настроен по отношению к «русскому вопросу» гораздо более миролюбиво.

По всей видимости, Рагузинский был весьма талантливым дипломатом. Об этом можно судить по обмену репликами с цинскими вельможами, которые попытались заявить, что «русские несправдливо завладели землями» <в Забайкалье, на которые вновь начал претендовать Пекин>. На это посланник ответил: «Таким же образом, как богдыханово величество Китай завоевал», и как богдыхан никому не уступит своих владений, так и русский государь не поступится территорией своего государства. Возразить на это было нечего.

Долгие переговоры в итоге завершились подготовкой документа, который, однако, в Пекине из-за бюрократических проволочек с цинской стороны подписать не успели. Рагузинский уехал на границу, где на местности совместно с цинскими чиновниками произвел разграничение территорий, не охваченных Нерчинским договором. Документ, закреплявший здесь границу, должен был стать составной частью будущего трактата, который пока проходил различные стадии согласований в Пекине.

20 августа 1727 года документ был подписан, это произошло в приграничном районе, на реке Буре (в современной Бурятии). По названию реки его также часто именуют Буринским трактатом. В его основу был положен принцип «каждый владеет тем, чем владеет». Так появилась граница между российской Бурятией и в будущем независимой Монголией, существующая практически без изменений и по сей день.

Сразу после этого Рагузинский в качестве опорного пункта на вновь определенной границе основал Троицкосаввский острог¹. Его будущее процветание было обеспечено подписанием долгожданного «большого договора». Это произошло в форме размена текстами на русском и маньчжурском языках в июне 1728 года. По названию реки Кяхты, на которой это произошло (и, кстати, в честь которой потом стал называться Троицкосаввский острог), его называли Кяхтинским трактатом².

Договор, подписанный Рагузинским, закреплял возможность отправки Россией каравана в Пекин размером не более 200 человек раз в три года³.

Не менее важно, что в Пекине закреплялось существование «русского подворья» для прибывающих купцов и церкви при нем, в которой могли бы проходить обучение китайскому языку направленные из России ученики. Эта договоренность облегчила существование в цинской

¹ Такое название острог получил по возведенной внутри Троицкой церкви с приделом святого Саввы Сербского, небесного покровителя Рагузинского-Владиславича.

² Владимир Дацышен в одной из своих статей убедительно доказывает, что датировка подписания договора 21 октября 1727 года, встречающаяся в литературе, является ошибочной. Размен документов, подготовленных ранее (часто ошибочно называемый «ратификацией»), прошел только летом следующего года, при этом архивные источники не упоминают какого-либо события на границе 21 октября, более того, цинские чиновники в это время находились не на Кяхте, а в Пекине. Вероятно, дата, присутствующая на оригинале документа, хранящемся в российском архиве, была проставлена китайской стороной задним числом. Либо же данный источник представляет собой одну из промежуточных версий в процессе долгого согласования договора.

³ В 1757 году император Цяньлун запретил иноземным купцам въезд в страну, сделав исключение лишь для Кантона (Гуанчжоу). Русские караваны могли следовать до Пекина, но их количество существенно снизилось как из-за различных помех со стороны цинских чиновников, так и из-за падения рентабельности подобной торговли. Кроме того, с 1762 года по указу Екатерины II была полностью отменена отправка в Пекин казенных караванов.

столице Русской духовной миссии, созданной незадолго до этого для окормления албазинцев — потомков тех самых казаков, что перешли на маньчжурскую службу после первой осады Албазина.

Другой важный нюанс — устанавливалось, что дипломатическую переписку между державами будет вести Сенат или губернские власти в Тобольске с российской стороны и Трибунал внешних сношений (Лифаньюань 理藩院¹) с китайской. Тем самым снимались протокольные трудности, связанные с невозможностью поддержания цинскими властями формально равных отношений с иностранной державой. Теперь контактами с Россией занималось то же ведомство, что курировало политику Пекина в зависимых монгольских и тибетских землях.

Достижения Рагузинского-Владиславича сложно переоценить. Вместо предвоенной ситуации на своих дальних восточных рубежах Россия получила четкие правила для торговли с Китаем, причем достаточно выгодные по сравнению с теми, которыми пользовались другие европейские державы. Она могла отправлять караваны в столицу, а также торговать на своей территории, куда китайские купцы сами привозили товар.

При этом караванный путь через Троицкосавск (Кяхту) оказался намного удобнее Нерчинского, поэтому вскоре именно сюда сместились все торговые потоки. Способствовало этому и нахождение поселения прямо на границе — по ту сторону также возник населенный пункт, получивший говорящее название Маймайчэн (买卖城, дословно «торговый город»)².

¹ В тексте используется термин из русского варианта Кяхтинского договора. В литературе также встречаются другие варианты перевода термина Лифаньюань на русский язык: Палата по делам зависимых территорий, Палата сношений с варварами и др.

² В русских источниках также Маймачен. Ныне Алтанбулаг в Монголии.

На следующие сто лет, с середины XVIII по середину XIX века, Кяхта оказалась в эпицентре чайной лихорадки, охватившей русско-китайскую торговлю.

Город процветал. Постепенная либерализация восточной торговли (в 1753 году были упразднены внутренние таможи, в 1762 году — казенная монополия на торговлю с Китаем) этому способствовала еще больше. Кяхта становится главным каналом для вывоза российской продукции (пушнина, сукно, кожа, юфть¹, бивень мамонта) и ввоза китайских товаров (в основном шелк и чай², но также фарфор, табак, ревень³).

Феномен кяхтинской торговли повлиял и на культуру. Термин «кахтинский чай» сменил понятие «богдойский чай» и долгое время употреблялся наравне с «китайским чаем». В городе появился своеобразный «пиджин» — кяхтинский язык, облегчавший русским и китайцам торг. Грамматика оставалась преимущественно китайской, то есть без изменения слов, без множественного числа и различий между личными и притяжательными местоимениями, а лексика — русской. Так было понятно и русским, и китайцам. Пример: *«Моя покунай пять ящик чай, твоя давай хороший скидка»*.

Прежде чем попасть в Кяхту, чайный лист проходил значительный путь по Китаю. Не так давно в одной из своих речей Си Цзиньпин назвал этот исторический феномен *Ваньли чагао 万里茶道* («Чайный путь в десять тысяч ли»), после чего этот термин полностью вытеснил из употребления другие, среди которых был, например, и *Чае чжилу 茶叶之路*, «Чайный путь», по аналогии с Шелковым путем.

¹ Бычьи кожи, обработанные тюленьим жиром и березовым дегтем.

² Чай составлял 30% импорта через Кяхту в начале XVIII века и до 90% век спустя. Смена шелка на чай в качестве главного импортируемого товара произошла в начале 1800-х годов.

³ Считался лечебной травой для органов желудочно-кишечного тракта и пользовался большой популярностью в Европе. Россия практически монополизировала торговлю этим товаром между Китаем и европейскими странами, получая в обмен на ревень венецианские зеркала, хрусталь и бархат.

В основном в Россию поставлялся чай из провинций Хубэй, Хунань и в отдельных случаях — провинций Фуцзянь, Чжэцзян, Сычуань, Цзянси. Все это регионы в южной и центральной части страны. Примечательно, что практически монополистами в торговле чаем для российского рынка были купцы из другой, северной, провинции, Шаньси. Это объясняется тем, что изначально именно они контролировали торговые пути в Монголию. Затем эта монополия распространилась и на кяхтинский торг — все дороги туда вели через монгольские степи.

При этом в самой Шаньси чай не выращивали, и даже главные логистические хабы чайного листа находились не здесь, а в городах на границе с Монголией, прежде всего в Калгане (нынешний Чжанцзякоу), Долон-Нуре и Хух-Хото. Здесь крупнооптовые партии чая с юга купажировали, ранжировали по цене и качеству, упаковывали в специальные ящики для транспортировки чая в Россию — так называемые *цыбики*¹, на которые обязательно наклеивали бирку чайной конторы. После этого ящики грузили на караваны верблюдов и отправляли в долгий путь до Кяхты.

На кяхтинских рынках чаем закупались купцы, рассчитывающие перепродать его на внутреннем рынке. Крупные партии чая могли разбивать на мелкие, иногда чай смешивали с более дешевым или залежалым (в том числе доставленным контрабандой) чайным листом. Однако чаще всего в цыбиках делалась проба, после чего они перупаковывались. Их дополнительно обивали сырой коровой или конской кожей шерстью внутрь. Высыхая, кожа

¹ Этот термин, вероятно, происходит от монгольского слова, означающего «плетенка». Ящик плели из тростника или камыша, оклеивая его снаружи толстой бумагой или несколькими слоями камыша. Для защиты от влаги между слоями упаковки прокладывали листы бамбука. Чай внутри цыбика плотно утрамбовывали. Изначально цыбиками называли ящики, которые вмещали от 16 до 32 кг чая, однако впоследствии так могли называть и отдельные пачки чая, предназначенные для розничной продажи.

сжималась, что делало упаковку прочной и герметичной. Это позволяло чайному листу без потери качества преодолеть еще несколько тысяч верст пути в условиях холодного и влажного сибирского климата.

Только после этого начинался долгий путь чая по России. Из Кяхты к реке Селенге, далее через Байкал, Ангару, Енисей до Енисейска, оттуда волоком в бассейн Оби, затем в Тобольск и Верхотурье, где до 1753 года находилась внутренняя таможня для сибирских товаров.

Со строительством Сибирского тракта в 1760-х годах сроки доставки груза значительно сократились, а транспортировка из преимущественно водной стала сухопутной. Узловые логистические центры на Сибирском тракте, обслуживающие этот своеобразный «Великий чайный путь», — Иркутск, Красноярск, Томск, Колывань, Омск, Тюмень, Казань — превратились в зажиточные купеческие города. Находившиеся по пути следования чая Ирбит и Нижний Новгород, где находились крупные ярмарки, процветали как хабы чайной торговли.

МЕХА

Как минимум на части пути этот условный «Великий чайный путь» справедливо было бы назвать «чайно-меховым».

Для России китайский рынок был важен не только как источник чая, но и как место сбыта пушнины. После того как в 1670 году была основана британская Компания Гудзонова залива, поставившая на поток заготовку пушнины в Канаде, спрос на русские меха в Европе основательно снизился. Так что Китай, как и в наши дни, стал естественным выбором для переориентации торговых потоков.

К тому же времена, как уже отмечалось выше, были холодные — Малый ледниковый период. А маньчжуры, захватившие власть в Китае, в отличие от собственно китайцев традиционно одевались в меховую одежду. Для

маньчжурской знати русская пушнина стала таким же важным товаром престижного потребления, как и для русской аристократии китайский чай.

Уже первые караваны, отправленные в Пекин после заключения Нерчинского договора, принесли казне баснословную прибыль, и в основном за счет продажи мехов: белки, горностая, соболя и чернобурой лисицы. Позже в числе наиболее востребованных на китайском рынке мехов оказались также шкурки калана (камчатского бобра), промысел которого начался в 1740-х годах после экспедиций Беринга и Чирикова к Аляске и Алеутским островам. Заготовка этих мехов находилась в рамках государственной монополии — их надлежало сдавать в казну по фиксированным ценам. Финансирование Северной войны и многих других затратных мероприятий Петра Великого было бы невозможным без надежной связки «сибирские меха + китайский рынок».

Позднее, после отмены в 1762 году госмонополии на продажу меха, погоня за барышами, которые можно было получить от поставок морской пушнины в Китай, стала главным стимулом для создания Российско-американской компании. А следовательно, и колонизации Аляски и тихоокеанского побережья Америки вплоть до Форт-Росса в современной Калифорнии.

На пике меха составляли до 85% всего русского импорта в Китай (сравнимо с показателями энергоносителей для современной торговли). Хабом для меховой торговли стала все та же Кяхта, причем коммерция на китайском направлении оставалась крайне выгодной для казны даже после отмены госмонополии¹.

Помимо мехов, Китай остро нуждался в серебре и золоте. Их нехватка была ключевой причиной, почему Китай старался поддерживать для себя положительное сальдо

¹ Достаточно сказать, что пошлины составляли 23% от стоимости закупленных в Китае товаров и 18% от цены товаров, идущих на экспорт.

в торговле: больше продавать, чем покупать¹. В свою очередь, нежелание российских властей потворствовать утечке драгметалла в Китай привело к тому, что в 1800 году было запрещено покупать чай за монету — вместо этого предполагалось использовать бартерные схемы (условно говоря, чай на мех) и фиксированные цены.

Вскоре этот запрет был дополнен установлением, согласно которому в Кяхте могли торговать только купцы первой гильдии². Соответственно, в торговле стали доминировать зажиточные купцы из европейской части России. В интересах расширения продаж своих мануфактурных товаров, прежде всего ситца, они начали искусственно завышать цены на пушнину. Как следствие, сибирские купцы лишались прежних доходов, а некоторые и вовсе разорялись.

В 1854 — 1855 годах прежние ограничения были сняты: вновь разрешалось свободное ценообразование и продажа товара за звонкую монету, однако уже не за горами были тектонические изменения в российско-китайских отношениях и всей структуре торговли с Китаем.

К этому моменту показатели торговли мехом упали до минимума, как из-за истощения ресурсной базы морского промысла (тех же каланов банально перебили), так и по причине сокращения спроса в Китае, частично ввиду изменения моды, частично из-за начала экономического кризиса. В середине XIX века больше половины российского экспорта в Китай приходилось уже на фабричные ткани и другие мануфактурные товары, тогда как мех давал лишь около 5%.

¹ Это стремление в итоге сыграло во вред Китаю. Британцы, до этого тратившие на закупку китайских товаров слишком много денег, в начале XIX века нашли товар, который позволял бы им выровнять торговое сальдо с Китаем, — опиум. Цепочка исторических событий, последовавших за началом опиумной торговли, совпала с внутренним кризисом династии и в итоге привела к затяжному периоду иностранного доминирования и поражений Китая (т. н. «сто лет унижений»).

² В 1807 году, в момент принятия этого правила уставной капитал купца первой гильдии должен был составлять 50 тыс. руб.

А вот торговля чаем продолжала расти, достигнув пика перед началом Первой мировой войны. Правда, теперь уже подавляющее большинство торговых маршрутов обходили Кяхту стороной. Причинами этого было как перемещение основных транспортных артерий на море и железные дороги, так и потеря городом статуса единственного «окна в Китай».

Такой исход стал следствием заключения новых межгосударственных договоров 1858 – 1860 годов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- О формировании мировой торговли в XVII веке — замечательная научно-популярная монография Тимоти Брука в переводе на русский язык *Брук Т. Шляпа Вермеера. XVII век и рассвет глобального мира. М., 2023. 280 с.*
- О российско-китайской караванной торговле — подробное историографическое исследование *Березницкий С. В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.*
- Источник о миссии С. Рагузинского-Владислави́ча — см. отчет *Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства*, опубликованный в 1842 году в журнале «Русский вестник» (в настоящий момент оцифрован, приведен к современным нормам орфографии, находится в открытом доступе).
- Исследование китайского чая и его распространения в России — *Ржанов Н. Китайский чай. Подробное описание. М., 1856*, доступно в репринтном издании, вышедшем в 2019 году.
- Современная монография по истории чайной культуры в России — *Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. М., 2012. 499 с.*
- Обзор историографии российско-китайской чайной торговли — см. научную статью *Дацьшен В. Г. «Великий чайный путь» в работах современных исследователей: продолжение темы // Российское китаеведение. 2023. № 4. С. 130–145.*
- О морском пушном промысле и участии РАК в кяхтинской торговле — см. *Ермолаев А. Н. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово, 2013. 620 с.*